

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

С.А. Храпов

АКСИОДИНАМИКА ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Предметом исследования в статье является философский анализ аксиодинамики общественного сознания постсоветской России. Осмысление процессов аксиодинамики общественного сознания постсоветской России представлено с учетом их феноменологических, ментальных оснований и социальных условий. Значимым аспектом выстраивания исследования является философский анализ «диффузии ценностей»: утрата старых, возникновение новых ценностей, искаженное восприятие вестернизированных ценностей и др. Предмет исследования конкретизируется в следующих разделах статьи: «Социальные условия аксиодинамики общественного сознания постсоветской России» и «Аксиологический кризис в контексте трансформации общественного сознания постсоветской России».

Методология исследования определена компаративистским сочетанием аксиологического, социокультурного и социально-онтологического подходов. Осмысление содержательных и структурных процессов аксиодинамики общественного сознания постсоветской России проведено посредством сопряжения философской методологии исследования с категориальным аппаратом и методами социальной психологии, социальной когнитивистики.

Научная новизна исследования состоит в выявлении ряда характеристик аксиодинамики общественного сознания постсоветской России: 1) Аксиологический кризис привёл к феноменологическим, социо-гносеогенным и структурно-функциональным преобразованиям общественного сознания постсоветской России, во многом, имеющих кризисный характер; 2) Общественному сознанию имманентны все базовые аксиологические кризисы современной западной культуры, преломленные через специфику социокультурного пространства и хода социальных преобразований постсоветской России; 3) В структурно-функциональном плане в аксиологической матрице происходят четыре основных процесса: девальвация конструктивных традиционных ценностей; фиксация деструктивных ценностных ориентаций в силу их укоренённости в ментально-бессознательных пластах; тяжелое усвоение конструктивных новых ценностей и быстрое включение деструктивных новых ценностей.

Ключевые слова: аксиодинамика, ценности, общественное сознание, постсоветская Россия, культура, общество, человек, социальные условия, вестернизация, трансформация.

Review. The subject of research in the article is the philosophical analysis of the axiodynamics of social consciousness in post-Soviet Russia. Axiodynamic processes of social consciousness in post-Soviet Russia are presented in accordance with their phenomenological and mental grounds and social conditions. A significant aspect of the study is the philosophical analysis of the "diffusion of values": the loss of old values and the emergence of new values, distorted perception of westernized values, etc. The subject of the research is specified in the following sections of the article: "Social conditions of axiodynamics of social consciousness in post-Soviet Russia" and "Axiological crisis in terms of transformation of social consciousness in post-Soviet Russia." The research methodology involves the combination of axiological, socio-cultural and socio-ontological approaches. The content and structural processes of axiodynamics of social consciousness in post-Soviet Russia are analyzed by using the combination of philosophical research methodology and the framework of categories and concepts and methods of social psychology and social cognitive science. The scientific novelty of the research is caused by the fact that the researcher identifies the following particular features of axiodynamics of social consciousness in post-Soviet Russia: 1) Axiological crisis has led to phenomenological, socio-gnoseogenic and structure-functional transformations of public consciousness in post-Soviet Russia those transformations in many respects reached

crisis proportions; 2) all the basic axiological crises of modern Western culture were immanent for the post-Russian public consciousness although they gain the features of the socio-cultural environment and the course of social transformations happening in post-Soviet Russia of those times; 3) from the point of view of structural and functional terms, the following four main processes occur in the axiological matrix: devaluation of traditional values; establishment of destructive values because of their roots in the unconscious mental formations; heavy structural assimilation of new values and fast adoption of new destructive values.

Keywords: social conditions, axiodynamics, value, public (social) consciousness, post-Soviet Russia, culture, society, human, westernization, transformation.

Рассмотрение аксиодинамики общественно-го сознания постсоветской России необходимо, на наш взгляд, в связи со следующими обстоятельствами. Природа ценностей такова, что без их учета невозможно размышление о ключевых социокультурных преобразованиях [1]. Аксиологическая составляющая является значимым аспектом становления общественного сознания, ибо она уже содержит в себе системы регуляции социального и антропологического развития (ценности, религия, этика), а также определенные знания, представления об обществе, оценки его динамики.

Аксиологические процессы неизбежно образом находят свое обнаружение в общественном сознании. Данные проявления не только выражаются в содержании общественного сознания, но при их тенденциозности, меняют ключевые характеристики его функциональности, тип выражения им социальной реальности, обостряют грань соотношения с социальным бессознательным и менталитетом. Многочисленные кризисные явления, обусловленные социальными преобразованиями постсоветской России, а также включённостью ее в глобализационные процессы, не могли не отразиться на ее аксиологической матрице; более того – их тенденциозный характер – очевиден.

Деформация аксиологической матрицы сегодня является, по сути, ключевой характеристикой развития современной российской культуры, общества, а, следовательно, и общественного сознания. Внимательный анализ культурогенеза показывает, что развитие культуры это «живой» длительный процесс. Культура, как и любая система, имеет определённую структуру, она более устойчива, чем социальная структура, которая является ее производной. Базовые структуры культуры (социальная память, культурное и социальное бессознательное, менталитет, религиозные представления, ценностные ориентации, мировоззренческие образы, система социально-политического взаимодействия) подвержены вызовам времени,

перестраиваются в новую систему, но, как правило, никогда не исчезают полностью [10; 11; 12]. Трансформация культуры и социальности – процессы сопряжённые, но протекающие в неких различных пространственно-временных плоскостях, поскольку исторически и качественно различны, функционируют посредством разных механизмов и имеют разные цели. Цель культуры – интегрировать наиболее ценное, значимое в процессе исторического развития, зафиксировать его в системе социальной регуляции (ценностных ориентациях, поколенческой и социальной памяти, ментальных установках), то есть сохранить и использовать для социальной регуляции. Социальность – это в первую очередь выражение современности и ориентация на будущее.

Соответственно, при анализе аксиодинамики общественного сознания постсоветской России, необходимо учитывать все линии антропо-культурно-социогенеза. Аксиодинамику общественного сознания следует рассматривать в контексте тех экономических, политических и социокультурных преобразований, которые формируют реальность постсоветского общества. В противном случае, если общественное сознание «вырвать» из данного пракиологического контекста, оно потеряет свой онтологический статус.

Социальные условия аксиодинамики общественного сознания постсоветской России

Аксиодинамика общественного сознания постсоветской России проходит очень сложно. Социальная реальность и сознание нашей страны переполнены кризисными явлениями и тенденциями. Ясно, что, в целом, их наличие обусловлено крахом советской и тяжёлым процессом формирования постсоветской социальной системы. Конкретных факторов данной ситуации очень много. Поскольку экономические и политические детерминанты исследуются весьма масштабно, а зачастую, вообще считаются единственными основаниями преобразования общества

и сознания постсоветской России, мы остановимся на их социальных условиях.

Под социальными условиями мы понимаем новую историческую ситуацию изменения общественного бытия постсоветской России. На наш взгляд, можно выделить два комплексных аспекта данных реалий.

Во-первых, следует дать интерпретацию характера общественных преобразований.

Общество постоянно изменяется, именно наличие изменений есть показатель его существования как социальной реальности. В обществе и общественном сознании постсоветской России активизировались трансформационные процессы: вестернизация ценностных ориентаций населения; институционализация власти по западному образцу; становление «независимых» политических партий; плюрализация и легитимизация форм собственности и т.п. Но изменения, как известно, различны, по качеству, масштабам и последствиям. Коренная трансформация российского общества настолько изменила политические, экономические и социокультурные формы проявления социальности. В итоге, это позволило провести жёсткое разделение на советский и постсоветский типы, хотя ясно, что подобное деление достаточно условно, и выполнено на структурном уровне, поскольку до сих пор «советское» парадоксально существует как в общественной и культурной жизни, так и в общественном сознании, часто скрываясь за новыми дефинициями и формами.

Ошибочно думать, что социокультурные условия для формирования постсоветского общественного сознания возникли в 1991 г. Ряд факторов, в том числе и культурных, возникли еще в период «перестройки». Потенциал данных кризисных тенденций общественного сознания созрел, начиная с 1970-х гг., когда советская система исчерпала идеологический потенциал, а административные стратегии стали окончательно неадекватны как во внутренний, так и во внешней политике. Чувства тревожности, неудовлетворенности и неизбежности грядущего глубокого кризиса доминировали в общественной психологии того периода и выражались в протестном социальном поведении различных слоев общества. Об этом свидетельствуют протестные выступления наиболее выдающихся представителей интеллигенции (А. Солженицын, Д. Сахаров, М. Ростропович и др.), либеральные настроения у части государственной элиты. В массовом сознании протест выражался в распро-

странении убеждения о необходимости «жить по-другому», отсюда огромный интерес ко всему западному.

Кризис российского общества в период последнего десятилетия советской власти был следствием системного неравновесия, в основе которого лежала традиционалистская направленность советского государства. Необходимость системных изменений воплотилась в перестройке, идеологии которой совершили массу ошибок, основной из которых было использование «старых административных методов» в «новых условиях»: реформы сверху, информационное открытие общества, формальная демократизация его политических институтов. Так, А.А. Галкин отмечает: «Судя по всему, процесс становления современной социальной структуры в России происходит не столько путем замещения старых структурных элементов новыми, но гораздо сложнее – в результате наложения одной структуры на другую, их взаимодействия и противостояния. ... Видимо, складывающаяся социальная структура, даже если она приобретёт более определённые, устойчивые формы, далеко не во всех чертах будет совпадать со структурной, существующей в развитых странах Запада. Из этого, а не из ориентации на заимствованные извне модели, должна исходить российская социальная политика» [2, с. 61].

Неверно думать, что трансформация российского общества и общественного сознания и их кризисные тенденции обусловлены лишь распадом СССР. Ясно, что здесь проявился комплекс факторов, носящих более глобальный характер. Назовём лишь основные: всемирные процессы глобализации, участие России в которых неизбежно, затем структурно-функциональные закономерности имманентные преобразованиям любой системы. Чрезвычайно важным, является и сопряженность данных социальных преобразований с духовными основами российской культуры.

Тысячелетняя российская культура, разумеется, не может изменить свои базовые структуры и темпоритм за двадцать лет, но это не означает, что не какой культурной реакции не будет. Российская история знает примеры таких кардинальных социальных преобразований (эпохи Крещения Руси, Петра I, Революции 1917 г.), помнит и их последствия (в отличие от многих современных политиков). В ответ на «революционные» изменения, культура метаморфозно реагирует: разрушаются ценностная матрица и институты аккультурации,

меняется вектор социокультурной идентичности, деформируется система сопряженности духовных феноменов и социального познания (общественное сознание, социальная память, социальное бессознательное, менталитет). Возникший духовный вакуум быстро заполняется суррогатом идеологием, ценностей и установок, чуждых ментальным основам. В этих условиях общественное сознание постсоветской России, находится в «расколоте» парадоксальном состоянии, уязвимым для различных манипуляций. Все это существенно ущемляет его потенциал как духовного феномена «выражающего» и «опосредующего» основные тенденции общественной жизни.

Во-вторых, необходимо охарактеризовать адаптацию населения России к новым социокультурным условиям существования. Этот аспект важен и в том, плане, что именно человек в его объективированном варианте является носителем общественного сознания и основным актором всех социальных трансформаций.

Социальная адаптация является условием перехода общества от состояния реформирования, трансформации к социетальному соответствию. Качество адаптации выражается в типах группового и массового сознания, общественного мнения, отражающих готовность принять новые социально-экономические, политические и социокультурные условия существования, а также в их конструктивном включении в систему культуры. Справедливость требует заметить, что все чаще, адаптационные стратегии, опосредованные социальной трансформацией, представляют собой деструктивные, маргинальные и девиантные ориентации, противоречащие ценностным матрицам и нормам социокультурной регуляции, что находит выражения в уровнях и формах общественного сознания постсоветской России. Характер новых адаптационных стратегий, во многом, связан с такими «либеральными завоеваниями» как индивидуализм и свобода.

Государство «даровав» народу свободу не постаралось ее разъяснить, а институты гражданского общества, которые на западе являются источником свободы, у нас отсутствовали, да и сейчас находятся в формально-административном состоянии. В российском обществе до сих пор не сформированы экономические, политические и правовые механизмы для того, чтобы он осознал себя свободным и ценность свободы закрепилась в общественном сознании, сейчас ситуация меняется,

но крайне, медленно. Власть, особенно на региональном и муниципальном уровнях, не стремится к тому, чтобы свобода стала фактической. Все это приводит к тому, что основная масса населения далека от свободы в ее правовом и экзистенциальном понимании, и старается выжить в тех условиях несвободы, которые объективно есть.

Подобные представления в общественном сознании постсоветской России можно объяснить следующим: 1) утрачены социально-экономические гарантии, которые при их минимуме в период СССР давали человеку чувство безопасности; 2) на индивидуальное сознание обрушился поток новой информации, для осмысления которой нужно не только время, но и разъяснительная позиция государства, а она была крайне слаба; 3) формирование постсоветского общества, привело к осознанию значительными массами населения социального положения, которое, в большинстве случаев, их не устраивало, в результате советские характеристики сознания существенно изменились или нивелировались, а новые еще не зафиксировались общественной реальностью, данная ситуация характеризуется неясностью и неопределенностью социального положения, и способствует, тому, что общественное сознание часто проявляется как маргинальное и ложное; 4) трансформации общественной жизни и общественного сознания сигнализировали человеку, что «по старому» жить нельзя, соответственно необходимо вырабатывать новые поведенческие стратегии, при этом, в обществе отсутствуют социально-экономические и культурные механизмы для подобной когнитивной и поведенческой переориентации личности.

Российское общественное сознание конструктивно отреагировало на провозглашенную политику демократизации гласности, первых шагов на пути демократизации (гласность, выборность руководителей, плюрализм предпринимательства, легализация различных форм собственности и др.). Но методы реализации этих проектов, в основном, остались прежними: сработали ментальные «имперские» установки и советский принцип кулуарного принятия решений. Перестройка и дальнейшие либеральные реформы сформировали и способствовали проявлению новых метаморфозных видов сознания, отражающих его кризисную тенденциозность. Все это привело к негативным последствиям, отразившимся в массовом поведении.

Рассматривая проблему преобразований российского общества и их соотношения с социокуль-

турной динамикой общественного сознания, на наш взгляд, необходимо проанализировать трансформационный потенциал для подобных преобразований. Обычно трансформационный потенциал анализируется исходя из структурного деления граждан общества в соответствии с их возможностями участия в социальных преобразованиях. Значимая роль первых элитарных и субэлитарных кругов несомненна, ибо они и являются креативным аккумулятором всех реформ. Адаптационный же потенциал массового слоя часто недооценивают, что приводит ко многим кризисным явлениям, как в общественной жизни, так и в общественном сознании. Недооценка «массового человека» как основного носителя общественного сознания, культурной идентичности и стилей социального поведения, с одной стороны, и отчуждение массового сознания от политических процессов, с другой, приводят к торможению трансформации, в целом, порождает многие кризисные тенденции общественного сознания, а поскольку данная «особенность» имманентна всей истории России, то её явно можно отнести к социокультурным ограничениям трансформационных процессов.

Аксиологический кризис в контексте трансформации общественного сознания постсоветской России

Как известно, любая аксиологическая модель исходит из интерпретации ценностей как значимых регулятивов социального, культурного и антропологического развития [7]. Важным является и тот факт, что эта система ценностей проявляется в различных типах сознания, формируя ценностное ядро идентификационных образов и стратегий поведения социальных субъектов – акторов любых трансформаций. Собственно говоря, именно глубинные, структурные изменения аксиологической модели явились фактором нового витка цивилизации. Разумеется, сами эти изменения не могли возникнуть «на пустом месте»: этому предшествовало длительное всеукоряющееся развитие западной цивилизации. В отличие от Востока, Запад, с образом которого постсоветская Россия стремится идентифицироваться, был всегда центрирован на настоящем. В процессе секуляризации сознания и культуры эта установка усиливалась и стала одним из механизмов цивилизационного развития. Соответственно, общественные силы, политическая, экономическая, а позднее и культурная (сегодня

превращающаяся, по сути, в сферу услуг) сферы общества ориентированы на оптимизацию социокультурного пространства, приведение его к некому стандартизированному идеалу, воплощением которого будет общество с высоким уровнем комфорта повседневности и социальной организации. Идеология позитивизма-прагматизма-утилитаризма явилась выразителем данных футурологических ценностей, которые тесно коррелировали с ценностями гедонизма. Последние же получили мощный импульс посредством девальвации духовных ценностей, которые выступали противовесом, и институционализации в экономическую систему, функционирующую посредством формирования системы искусственных потребностей и массового потребления [6]. Данные исторические и социокультурные тенденции сформировали весьма благоприятную почву для нового этапа развития, переход к которому связан с качественным изменением системы производства и социальных интеракций.

Осмысливая современную аксиосоциодинамику общественного сознания постсоветской России, необходимо учитывать три её существенных отличия от предыдущих ценностных кризисов: данные трансформационные сдвиги сопряжены с глубокими преобразованиями всей общественной жизни, по своей масштабности и кризисности сравнимые с событиями начала XX в.; эти преобразования происходят в кардинально новой глобальной ситуации формирования нового информационного и социального пространства, новой культуры, а главное – нового постклассического человека [8; 9]. Этот второй фактор серьезно усугубляет первый, ибо прежние ценностные кризисы проходили в рамках дихотомии: «старые ценности» – «новые ценности», когда было в целом ясно, что под ними понимается. Сегодня такой определенности нет.

Ошибочно утверждать, что все «старые ценности» были плохи, а «новые» конструктивны или наоборот. Ценностный кризис, на наш взгляд, проявляется именно в том, что деформация системы ценностей выражается, во-первых, в девальвации конструктивных традиционных ценностей, часть из которых, несомненно, следовало бы сохранить, например ценности личного общения, семьи; во-вторых, в парадоксальной «незыблемости» деформированных ценностных ориентаций, в частности, без инициативности, отчуждении значительных масс населения от макро-социально-политических процессов; в-третьих, в тяжелом и медленном ус-

воени constructive новых ценностей, например индивидуальной инициативы, гражданской солидарности; и, в-четвертых, в весьма быстром усвоении деструктивных новых ценностей, в частности, прагматизма и бодичентризма.

На стадии исторической бифуркации общественное развитие России происходило скачкообразно, социокультурные процессы развивались стихийно, что и создало предпосылки для открытости общественного сознания влияниям извне. В нем формируются новые стратегии социального взаимодействия, новый образ социальной реальности и новые ценностные образцы. В этот кризисный период ценностные ориентации общественного сознания резко изменили свое содержание и обеспечили новый вектор движения, в основном вестернизированный. Механизмы саморегуляции общественного сознания привели к направленности его ценностной системы на формирование макро- и микро адаптационных стратегий к новым социально-экономическим, политическим и культурным реалиям. Стали доминантными ценности, имеющие значительный адаптационный потенциал. Данные социокультурные тенденции сопровождалась процессами индивидуализации и самоопределения тех слоев населения, которые составляют трансформационный потенциал общества.

Общественная трансформация привела к тенденциозному нивелированию традиционных ценностей российской культуры. Формировались ценности материального, прагматического характера, индивидуализма, утрачивалась классическая ценность культуры, вершины проявления духовной жизни. Существенные сдвиги в системе духовно-культурных ценностей сегодня признаются всеми учеными. При этом, анализируя процессы кризисной трансформации общественного сознания, нельзя утверждать, что произошел отказ от традиционной аксиологической системы.

Необходимость учета значимости ранее существовавших ценностей подтверждала и академик Т.И. Заславская, выделившая следующие особенности общественной ценностной системы постсоветской России: «а) сосуществование и взаимодействие традиционных ценностей (общинность, соборность, коллективизм, патернализм, уравнительность) с либерально-демократическими ценностями, характерными для модернизирующихся обществ (индивидуализм, права и свободы личности, образование, квалификация, деловая активность, успех); ... б) духовный раскол и идейная

борьба носителей либеральных (модернизированных) и традиционных ценностей. ...в) разочарование значительной части общества в либерально-демократических идеалах и ценностях» [3, с. 138]. Эти тенденции, несомненно, отразятся на формировании в будущем новой ценностной системы.

Весомы и различия, характеризующие системы ценностей социальных слоев и групп общества. Социокультурные различия между поколениями были и будут существовать всегда, хотя их содержание и возрастные критерии меняются со временем. Социальные различия выражаются в своеобразии общественных функций социальных групп, в их роли в общественном производстве и социокультурной динамике в целом. Различия коренятся также в реальных и идеальных образах действительности, в которых выражены желаемые для их представителей перспективы общественно-го устройства и развития.

Комплекс проблем, связанных со становлением новой аксиологической матрицы связан и с тем, что особенностью современной России является достаточно сильная сохранность традиционных ценностей, в основе которых лежит ряд коллективных представлений, позволяющих их интерпретировать как социокультурные ограничения модернизации. К таковым можно отнести: отождествление власти и права собственности, а также снисходительность к нарушению формальных законов, подтверждающих отчужденность широких масс населения от социокультурной динамики, что является давней бедой России (вспомним блестящие повести А.П. Чехова).

Рассматривая кризисную аксиодинамику общественного сознания постсоветской России, мы полагаем необходимым остановиться на парадоксальном сочетании ценности гипериндивидуализма и ценностей массовой культуры. Эти тенденции свидетельствуют о своеобразной ловушке, в которую попало общественное сознание вследствие цивилизационной интенции «исторического маятника». В эпоху СССР активно пропагандировались коллективистские ценности, и справедливость требует заметить, что это давало и конструктивные результаты. Каждый гражданин, стремящийся быть «советским человеком», интериоризировал ценности коллективизма в процессе социализации, пользовался ими в качестве поведенческих стратегий. При этом, следует отметить и деструктивные последствия. Тоталитарный режим и низкий уровень культуры часто искажали смысл кол-

лективизма, вследствие чего коллективизм ярко противопоставлялся индивидуализму, сдерживал самореализацию человека.

Социально-экономическая трансформация сформировала противоположную тенденцию – ценность гипериндивидуализма, понимаемую также крайне примитивно и однобоко, что деформировало систему социального партнерства о важности которой, как известно, писал еще Э. Дюркгейм. Пропаганда индивидуализма, внедрение в массовое сознание его значимости, убеждение в его абсолютной ценности выразились в кризисных последствиях. Внедрение в общественное сознание ценности индивидуализма, без подведения по нее социально-экономического и культурного базиса, привело к его интерпретации в значительном слое общественного сознания постсоветской России как эгоизма, вседозволенности, эксплуататорской направленности личности, для которой финансовый успех есть важнейший показатель самореализации, ведущий атрибут антропологического статуса. Кроме того, есть существенный аспект ценности индивидуализма, которому уделяется недостаточное исследовательское внимание. Речь идёт о влиянии индивидуалистической ориентации на неукоренённость человека в бытии. В «индивидуализированном обществе» опасность и неопределённость подкрепляются новым типом индивидуальности, разрывают связь времен и поколений. Ценностный акцент на индивидуализме, сопровождается отчуждением от всего коллективного, рода, традиций, что выражается в неукоренённости современного человека, его ощущении тревожности и потерянности. Бессознательное стремление преодолеть эту неукоренённость и бессмысленность приводит к деструктивным адаптационным стратегиям у значительной части населения, в основе которых часто лежит погружение в соблазны массовой культуры. В постсоветском периоде парадоксы массовизации представлены более ярко. Западные ценности, идентификационные образы и стратегии потребления уже глубоко укоренены в общественном сознании и социокультурной реальности, что, в свою очередь, усиливает потенциал интолерантности, агрессии и социальной разобщенности. При всём этом, процессы массовизации в постсоветской России проходят, в целом, в контексте глобальной интеграции. Остановимся на тех аспектах данных процессов, которые характерны и для нашей страны и, во многом, определяют её социокультурное развитие.

Формальная демократизация вместо свободной и разумной личности (основанная идея проекта Просвещения лежащего в основе демократической идеологии), создала все условия формирования массового человека живущего и действующего иррационально, в том смысле, что в структуре его личности преобладает витально-чувственная сфера над рационально-творческой (деятельной). Система тотального потребления и иллюзия свободы «успокоили» массового человека, институты массовой культуры постоянно стремятся его развлечь, все повышая его чувствительность. Политико-экономический конгломерат, поощряет данные процессы, поскольку они уводят внимание масс от реальной социально-политической ситуации. В таком контексте повседневности массовой человек якобы освобождается от тягот бытия и поэтому «счастлив» и благодарен государству и обществу. Справедливость требует заметить, что данные характеристики имманентны и современному российскому человеку в его массовом варианте. Получив некий материальный достаток, он, в основном, утратил социально-политическую активность (вспомним о показателях явки на выборах) погрузился в динамику потребления и индустрию развлечений.

Под лозунгом демократизации стала происходить омассовление культуры, что нарушило один из важнейших онтологических принципов: сфера духовного всегда многомерна, иерархична, ей чужды законы прямой каузальности. В результате человек оказался в ситуации омассовления всех основных модусов социального бытия: массовая повседневность, массовое государство, система массового потребления, массовая культура. В таком историческом контексте проблемы индивидуальности, свободы и творчества становятся очень актуальными. Конформизм становится условием «полноценного» существования, а постоянное усложнение социальной структуры и функционализация труда лишают человека времени, чтобы осознать всю деструктивность его бытия. Данные механизмы массовизации, фиксируясь, на социокультурном и социально-антропологическом уровнях, неизменно находят выражение и в общественном сознании постсоветской России.

Стремление быстро перестроить общественную жизнь и систему ценностных ориентаций по западному образцу привело не только к игнорированию исторических темпоритмов России, но и к ряду деструктивных последствий, в частности, к

антропологическому кризису. В.Г. Федотова пишет, что «вместо автономного и массового индивида возникает неукоренённый индивид (на мой взгляд, с помощью СМИ превращаемый в массового неукоренённого индивида), не имеющий связи ни с прошлым, ни со структурами индустриальной эпохи, индивид, находящийся в ситуации потери норм и ценностей (аномии) и изоляции. Слепая, внешняя сила действия общества на индивидов может быть понята и как деполитизация, и как десоциализация, когда сознательная, рациональная, имеющая цель деятельность как индивида, так и государства сведена к минимуму. Не контролируя своего настоящего, человек не может представлять или планировать будущее и, добавим, ясно осознавать свое прошлое. Социальная реальность стала казаться квазиприродной, неподвластной человеку» [5, с. 4]. Это новое онтологическое положение человека приводит к деструкции всех форм его соотношения с миром. Общественное сознание функционирует в эмоциональном контексте отчужденности, потерянности, отсутствии «системы координат». Индивидуализированное общество формируется объективными силами, глобальными экономическими, политическими и культурными процессами, противостоящими любой субъективности, будь то субъективность человека или «субъективность» (идентичность) культуры, этноса, общности.

Аксиологический кризис усугубляется псевдоинтерпретацией ценностей; например, ценность общественного порядка традиционно в России воспринимается как потребность в «сильной руке», а подобные общественные настроения – всегда почва для авторитаризма. Во всех социальных слоях и группах и соответственно в их типах сознания проходят масштабные процессы переосмысления традиционных значений, идет идентификационный поиск. Динамика ценностей современной России происходит за счет изменения соотношения и содержания ценностей, появления новой смысловой нагрузки ценностных концептов. Но, конечно, не все так однозначно. Процесс оценивания демократии в общественном сознании нашей страны очень сложен и противоречив, и обусловлен как недостаточным пониманием, что такое демократия, так и существенными различиями между идеальной демократией и тем, что реально есть на сегодняшний день. Кроме того, необходимо учитывать ярко выраженную потребность граждан трансформирующегося российского общества в порядке и безопасности, которые противопоставлены

в массовом уровне общественного сознания демократии. Изменения в постсоветской России настолько кардинальны, что отводят общественное внимание от глубокого кризиса ценностей, а ведь их деформация обуславливает кризис общественного сознания, в свою очередь, способствующий формированию кризисных явлений общественной жизни. В результате нарушаются связи человек-общество, выраженные в неспособности общества создать ценностные, социальные, экономические, культурные системы координат в новом историческом типе социальности, а человек, находясь в «потерянном состоянии», утрачивает возможность конструктивного участия в социокультурной динамике, демонстрируя деструктивные адаптационные стратегии. Социальный кризис вызвал отчуждение от всех коллективных солидарностей. Для молодежи все более ценным является не интеллектуальный и культурный потенциал, а стоимость и престижность вещей, возможность заработать большие деньги неважно какими средствами; данные тенденции обуславливаются кризисом семейных ценностей.

Можно констатировать, что в конце XX в. возник феномен двойного конфликта ценностей: внутри каждой культуры и между ними. Состояние ценностной системы и мировоззренческих ориентаций во многом парадоксально. В современную эпоху, когда ценности западной цивилизации рассматриваются в качестве универсальных для всего глобального мира, не учитывают, что ценности по своей природе имманентны социальности и ментальности той культуры, которая их сформировала. Именно наложение вестернизированных ценностей, чуждых ментальным основаниям и цивилизационным темпоритмам многих стран, обуславливают многие кризисные тенденции общественного сознания и общественной жизни.

Ценности, выполняющие в западной цивилизации конструктивные роли интеграторов и регуляторов социальности, создающие социализационные ориентиры для человека, прямо перенесенные на другую культурную почву, часто выступают в качестве инструментариев культурного подавления. Причём культурная экспансия проходит в контексте политических и экономических процессов и настолько коррелирует с ними, что позволяет рассматривать последние в качестве ее первопричины. Данные процессы сопряжены с изменением самих механизмов формирования и укоренения ценностей в общественном сознании. Если ранее

система ценностей усваивалась через институты семьи, религии, образования, социальные отношения, то сегодня все более мощным источником ценностных ориентаций становится глобальное информационное пространство, бесконтрольность которого облегчает внедрение ценностей, позволяет придавать аксиологический статус деструктивным нормам и явлениям. Масштабное экстраполирование западной цивилизационной модели и в первую очередь аксиологических ориентаций кардинальным образом повлияло на трансформацию общественного сознания и общественных отношений, содержание культуры, мироощущение и мировоззрение человека, что выразилось в специфике современного общественного сознания и обусловило многие его кризисные тенденции [4]. В активно развивающейся сегодня футурологии одним из важнейших направлений исследований является конкуренция образов будущего, основанных на ценностных системах субъектов международных отношений, именно поэтому важнейшей проблемой современности является определение тех ценностных ориентиров, по которым будет развиваться российская цивилизация.

Подводя итоги, можно сделать следующие **выводы**:

1. Аксиологический кризис привел к феноменологическим, социо-гносеогенным и структурно-функциональным преобразованиям общественного сознания постсоветской России, во многом, имеющих кризисный характер.

2. Общественному сознанию имманентны все базовые аксиологические кризисы современной западной культуры, преломленные через специфику социокультурного пространства и хода социальных преобразований постсоветской России.

3. В структурно-функциональном плане в аксиологической матрице происходят четыре основ-

ных процесса: девальвация конструктивных традиционных ценностей; фиксация деструктивных ценностных ориентаций в силу их укоренённости в ментально-бессознательных пластах; тяжелое усвоение конструктивных новых ценностей и быстрое включение деструктивных новых ценностей.

4. Новые социокультурные реалии постсоветской России создали условия для весьма кризисной аксиодинамики общественного сознания. При всем этом, нельзя рассматривать отношение кризис общества – кризис общественного сознания только с точки зрения прямого детерминизма, когда первое причина, а второе следствие (характерный постулат советской философии «бытие определяет сознание»). Отношения эти а priori диалектические, причем их следует анализировать не на абстрактно-категориальном уровне коннотаций и концептов, а на уровне «живой социальности» и с учетом включенности общественного сознания в духовную жизнь общества и систему культуры.

5. Особенно важной, на наш взгляд, является мысль о том, что необходимо избегать поверхностного, одностороннего рассмотрения процессов аксиосоциодинамики по схемам: «категорический отказ от всего классических ценностей как старых, а priori ненужных и аксиологизация всего нового» или же «аксиологизация всего классического, традиционного и как следствие «ностальгический цивилизационный откат в «советское прошлое». Современная социокультурная ситуация в России ярко демонстрирует эти мировоззренческие, аксиологические оппозиции.

Сегодня основная перспектива видится в формировании аксиологической матрицы общественного сознания, интегрирующей конструктивный потенциал прошлого, настоящего и образ будущего, по своим глубинным смыслам, отвечающий «глобальным вызовам» и имманентный ключевым чертам ментального ядра российской цивилизации.

Список литературы:

1. Баева Л.В. Источники становления ценностей. (URL: <http://www.polygnosis.ru/default.asp?num=6&num2=79>).
2. Динамика социальной структуры и трансформация общественного сознания (круглый стол) // Социологические исследования. 1998. № 12. С. 48-61.
3. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. 568 с.
4. Рассадина Т.А. Трансформация традиционных ценностей россиян в пост перестроечный период // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 95-101.
5. Федотова В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопросы философии. 2005. № 11. С. 3-23.
6. Храпов С.А. Антропологический фактор становления потребительской направленности общественного сознания современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Философия. Социология и социальные технологии. 2009. № 1 С. 52-57.

7. Храпов С.А. Современный социокультурный контекст девальвации классических аксиологических моделей «Бытие» и «Бог» // Философия и культура. 2014. № 8. С. 1208-1215. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.8.12486).
8. Храпов С.А. Трансформация общественного сознания современной России: социокультурные основания и кризисные тенденции // Социальная политика и социология. 2008. № 3. С. 231-245.
9. Храпов С.А. Становление представлений о кризисных тенденциях общественного сознания постсоветской России // Учёные записки РГСУ. 2009. № 3. С. 164-172.
10. Храпов С.А. Взаимодействие социальной памяти и общественного сознания постсоветской России: социально-философский подход // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Философия. Социология и социальные технологии. 2010. № 2. С. 38-43.
11. Храпов С.А. Концептуализация понятия «социальная память» в системе социально-гуманитарного знания // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. 2010. № 3. С. 10-14.
12. Храпов С.А. Концептуализация понятия «социальная память» в системе философского знания // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. 2010. № 4. С. 23-26.
13. Емельянов А.В. "Человек гедонистический" в аспекте конструирования сущностных образов человека // Философия и культура. 2014. № 5. С. 725-730. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.5.9818).
14. Иванько Н.А. Традиционные ценности России как социальный концепт // Философия и культура. 2010. № 11. С. 25-31.
15. Попов Е.А. Культура и общество в ипостасях духовно-бездуховного // Философия и культура. 2010. № 4. С. 56-59.
16. Попов Е.А. Культура, общество и человек в объектно-предметном поле современной социальной культурологии и социологии культуры // Философская мысль. 2013. № 3. С. 170-204. (DOI: 10.7256/2409-8728.2013.3.415. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_415.html).
17. Попов Е.А., Бобина Г.С. Социально-правовые феномены и их осмысление в ценностно-нормативной системе российского общества // Политика и общество. 2014. № 1. С. 4-10. (DOI: 10.7256/1812-8696.2014.1.8968).
18. Палеева Н.Н. Ценности и ситуации риска // Психология и психотехника. 2012. № 11. С. 50-57.
19. Хорина Г.П. Демократия в современной российской культуре: идеал и реальность // Человек и культура. 2013. № 4. С. 1-15. (DOI: 10.7256/2409-8744.2013.4.6973. URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_6973.html).

References (transliteration):

1. Baeva L.V. Istochniki stanovlenija cennostej. (URL: <http://www.polygnosis.ru/default.asp?num=6&num2=79>).
2. Dinamika social'noj struktury i transformacija obshhestvennogo soznanija (kruglyj stol) // Sociologicheskie issledovanija. 1998. № 12. С. 48-61.
3. Zaslavskaja T.I. Societal'naja transformacija rossijskogo obshhestva: dejatel'nostno-strukturnaja koncepcija. M.: Delo, 2002. 568 s.
4. Rassadina T.A. Transformacija tradicionnyh cennostej rossijan v post perestroecnyj period // Sociologicheskie issledovanija. 2006. № 9. С. 95-101.
5. Fedotova V.G. Faktory cennostnyh izmenenij na Zapade i v Rossii // Voprosy filosofii. 2005. № 11. С. 3-23.
6. Hrapov S.A. Antropologicheskij faktor stanovlenija potrebitel'skoj napravlenosti obshhestvennogo soznanija sovremennoj Rossii // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija i social'nye tehnologii. 2009. № 1. С. 52-57.
7. Hrapov S.A. Sovremennij sociokul'turnyj kontekst deval'vacii klassicheskikh aksiologicheskikh modelej «Bytie» i «Bog» // Filosofija i kul'tura. 2014. № 8. С. 1208-1215. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.8.12486).
8. Hrapov S.A. Transformacija obshhestvennogo soznanija sovremennoj Rossii: sociokul'turnye osnovanija i krizisnye tendencii // Social'naja politika i sociologija. 2008. № 3. С. 231-245.
9. Hrapov S.A. Stanovlenie predstavlenij o krizisnyh tendencijah obshhestvennogo soznanija postsovetsoj Rossii // Uchjonye zapiski RGSU. 2009. № 3. С. 164-172.
10. Hrapov S.A. Vzaimodejstvie social'noj pamjati i obshhestvennogo soznanija postsovetsoj Rossii: social'no-filosofskij podhod // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija i social'nye tehnologii. 2010. № 2. С. 38-43.
11. Hrapov S.A. Konceptualizacija ponjatija «social'naja pamjat'» v sisteme social'no-gumanitarnogo znanija // Gumanitarnye issledovanija. Zhurnal fundamental'nyh i prikladnyh issledovanij. 2010. № 3. С. 10-14.
12. Hrapov S.A. Konceptualizacija ponjatija «social'naja pamjat'» v sisteme filosofskogo znanija // Gumanitarnye issledovanija. Zhurnal fundamental'nyh i prikladnyh issledovanij. 2010. № 4. С. 23-26.
13. Emel'janov A.V. "Chelovek gedonisticheskij" v aspekte konstruirovanija sushhnostnyh obrazov cheloveka // Filosofija i kul'tura. 2014. № 5. С. 725-730. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.5.9818).
14. Ivan'ko N.A. Tradicionnye cennosti Rossii kak social'nyj koncept // Filosofija i kul'tura. 2010. № 11. С. 25-31.
15. Popov E.A. Kul'tura i obshhestvo v ipostasjah duhovno-bezduhovnogo // Filosofija i kul'tura. 2010. № 4. С. 56-59.
16. Popov E.A. Kul'tura, obshhestvo i chelovek v ob'ektno-predmetnom pole sovremennoj social'noj kul'turologii i sociologii kul'tury // Filosofskaja mys'l'. 2013. № 3. С. 170-204. (DOI: 10.7256/2409-8728.2013.3.415. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_415.html).
17. Popov E.A., Bobina G.S. Social'no-pravovye fenomeny i ih osmyslenie v cennostno-normativnoj sisteme rossijskogo obshhestva // Politika i obshhestvo. 2014. № 1. С. 4-10. (DOI: 10.7256/1812-8696.2014.1.8968).
18. Paleeva N.N. Cennosti i situacii riska // Psihologija i psihotehnika. 2012. № 11. С. 50-57.
19. Horina G.P. Demokratija v sovremennoj rossijskoj kul'ture: ideal i real'nost' // Chelovek i kul'tura. 2013. № 4. С. 1-15. (DOI: 10.7256/2409-8744.2013.4.6973. URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_6973.html).